Иван Александрович Гончаров

У какого писателя все три романа начинаются на одну и ту же букву, букву «о»? Правильно! У Гончарова. «Обломов», «Обрыв», «Обыкновенная история». Кажется, больше ничего и не надо знать о Гончарове, чтобы правильно ответить на вопросы литературных викторин. Да, ещё всплывает какое-то словечко мудрёное – «обломовщина». О чём это? Вроде бы что-то отрицательное. Теперь всё.

А между тем 18 июня 2012 года исполняется 200 лет со дня рождения этого человека, писателя, вошедшего в книгу «Сто великих русских писателей».

Кто он, какой он был в детстве? Читатели путают биографию Ивана Александровича Гончарова с биографией его персонажа, Ильи Ильича Обломова. Между тем они вовсе не близнецы-братья.

Вот как пишут об этом в той самой книжке «100 великих русских писателей»: «Будущий писатель родился 18 июня 1812 г. в Симбирске в семье зажиточного хлеботорговца, не раз избранного городским головой, Александра Ивановича Гончарова. В 3 года Ваня потерял отца и вместе со старшим братом и двумя младшими сёстрами остался на попечении матушки. Авдотья Матвеевна не жалела средств на образование детей». Она очень любила их и была хорошей воспитательницей, была «взыскательна, как пишет сам Гончаров, и не пропускала без наказания или замечания ни одной шалости, особенно если в шалости крылось зерно будущего порока. Она была неумолима». Но это дома. А вокруг был заштатный Симбирск, та самая среда, которую сам Гончаров назвал «обломовщиной». Скудный и ленивый провинциальный быт, убогие серенькие домики, покосившиеся заборы, деревянные тротуары, с провалившимися досками, тишина и сонная одурь улиц…

Сонное царство. Гончаров, выросший в этой среде, едва не потонул в ней. Его спасли, по его же словам, «живая, горячая натура, сила воображения, стремление к идеалу и честность».

Живая натура. Да, про Илюшеньку Обломова этого не скажешь. Маленький же Ванечка пошалить любил. Влезть на крышу, на дерево, увязаться с уличными мальчишками в соседский сад – пожалуйста! За это и наказывала его матушка, случалось, что и порола. Но у Ванечки был друг-защитник, крёстный отец, Николай Николаевич Трегубов, отставной моряк, дворянин.

Крёстный не дал болоту под названием «обломовщина» поглотить мальчика. Николай Николаевич был очень хорошо образован. Для маленького Вани он стал настоящей ходячей энциклопедией, человеком, знавшим ответы на бессчетные детские «почему».

К тому же, Николай Николаевич баловал мальчика, а ведь баловство, (не до излишества) так же необходимо детскому сердцу, как

науки – уму. Именно к Трегубову бежал шалун, ища заступничества от прогневавшейся маменьки. И крёстный грозным «Пошёл вон!» отсылал матушкиного посыльного, который являлся, чтобы отвести мальчика к матушке для справедливого суда и наказания.

Крёстный привил мальчику любовь к морю, о котором в провинциальном Симбирске может и слыхивали, да не верили в его существование, или считали, что море уж никак не шире Волги. А тут, во флигеле, у крёстного, телескоп, секстант, хронометр. Эти вещи сопровождали их хозяина в плавании, они пропитались морской солью, они пахли морем, дальними странами. А какие книги стояли на полках! В них описывались кругосветные плавания, дальние острова, встречи с пиратами, кораблекрушения. Часто Трегубов говорил Ванечке: «Ах, если бы ты сделал хоть четыре морские кампании... то-то бы порадовал меня!» И Иван Гончаров не обманул ожидания крёстного. Он совершил-таки кругосветное путешествие, великолепно описав свои приключения в книге «Фрегат «Паллада»

А первые уроки родного языка, сделавшие Гончарова великим русским писателем, Ванечка получил от няни, Анны Михайловны, Аннушки. Гончаров сохранил к няне нежную привязанность до самой её смерти, и ей ничего не нужно было, только бы её Ванечка был рядом. А уж сказок, присловий, поговорок Аннушка знала множество. Мне особенно нравится одна: «Дурень ты дурень, неразумный ты бабин, то же бы ты слово, да не так молвил». Почему-то эта присказка связывается у меня с ещё одной стороной деятельности Гончарова. Он ведь служил цензором министерства народного образования. Цензор! Вот ужас-то! Да как он мог, как смел душить свободу слова?! А если слово дурное, безответственное, глупое? Если его написал тот самый «бабин»? Не грех такое и придушить. Гончаров служил русской словесности и будучи писателем, и будучи цензором. Так, ему удалось «протолкнуть» в печать ряд произведений Тургенева, Некрасова, Писемского, Достоевского. Если бы за нашей литературой наблюдал такой цензор, это было бы здорово.

А вообще романы Ивана Александровича Гончарова стоит перечитать. И не только потому, что они входят в школьную программу. Двести лет прошло, а обломовщина никуда не делась. И тонут в ней целые города нашей страны. Может быть, в романах Гончарова при внимательном чтении вы откроете секрет, как не скатиться в эту трясину.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь